

— Не смотри на меня так — я старательно поправлял твое одеяло, — с усмешкой произнес Кандзаки.

Хаяма не мог разглядеть его, но не хотел искать очки. Скорее, он боялся прямо смотреть на Кандзаки. Несколько секунд спустя он робко спросил:

— Значит... мое положение во сне действительно такое ужасное?

— По крайней мере, последние несколько ночей я пытался помочь, но каждый раз терпел поражение — я говорю об этом бедном одеяле.

Хаяма не мог вспомнить ничего подобного. Даже если он спал крепко, неужели он мог не замечать этого столько дней подряд? Утром, когда он вставал, постель, конечно, была слегка растрепана, но это выглядело вполне нормально.

— Хочешь, чтобы я сказал прямо?

— ...Пожалуйста.

— Хм, как бы это описать... «Ужасающе»?

— Н-не может быть, — запнулся Хаяма, чуть не прикусив язык.

Неужели стоит установить камеру над кроватью? Мысль о том, чтобы наблюдать за своим сном, показалась ему странной, но, честно говоря, он действительно хотел бы знать, что происходит ночью.

Если бы он жил один, он бы никогда не обращал внимания на такие мелочи. Хотя он и планировал прожить четыре года университетской жизни в одиночестве, он никак не ожидал, что так быстро начнет жить с кем-то — пусть и с тем, кто совершенно не вписывается в привычные рамки.

В общем, он точно не просил Кандзаки поправлять одеяло по ночам... Или он вообще не разрешал ему заходить в спальню? Не мог вспомнить.

— Подожди... Разве я не говорил тебе не заходить в спальню?

— Ээ? Рин, а кто это был тот, кто обнял меня в первый день?

— А... Ах!

Смутные воспоминания нахлынули, но он совсем не хотел их признавать.

Вспомнить, что происходило во время сна, было для Хаямы почти так же сложно, как проснуться вовремя без будильника. Даже если что-то и всплывало в памяти, о чем он тогда думал, одному небу известно.

— Кажется, что-то было... Что я тогда сказал? — спросил Хаяма, избегая взгляда.

Чувствуя, что дальше разговор станет еще более неловким, он потянулся к креслу, чтобы снова включить фильм. Чтобы не напрягать зрение, он поставил кресло подальше от компьютера, но из-за волнения не сразу нашел нужное место и случайно перемотал фильм вперед. Как назло, именно на момент любовной сцены.

Почему в ужастике вообще есть любовная сцена! Хаяма с трудом сдержал возглас, сделав вид, что ничего не заметил, и спокойно вернул прогресс назад.

— Ты ничего не сказал, но в действиях был очень активен.

— Правда?

Фильм был уже на половине, но Хаяма так и не понял, о чем он. Смирившись, он снял наушники, чтобы лучше слышать Кандзаки, взглянул на несчастный компьютер, который все еще светился, и, наконец, закрыл окно.

— Давай соберемся и ляжем спать, — сказал он.

— Ты уверен? Мы же посмотрели только половину.

Это действительно было не очень хорошо. Подумав, он снова открыл фильм. Уже не было желания смотреть дальше, но хотя бы хотелось узнать, чем все закончится.

— Ну, теперь посмотрели.

— Рин... — голос Кандзаки дрогнул, похоже, он хотел посмеяться.

— Ты действительно не самый приятный зритель.

— Не спорю. Но это слишком предсказуемо, можно догадаться, что произойдет.

Всего два возможных исхода: либо выживут, либо все погибнут. Зная, какой из них выбран, можно предсказать и развитие событий. Вспомнив выражение лица продавца, Хаяма покачал головой. Похоже, он нашел еще одного пугливого человека... Почему он сказал «еще»?

— Может, мне больше подойдет кинотеатр?

— Ха? Ты уверен? — удивился Кандзаки.

— Конечно — дома можно перематывать, а ты ведь считаешь меня «неприятным зрителем»? В кинотеатре, даже если я усну, то сделаю это на своем месте.

Это и есть та самая истина: «Телезрителей привлечь сложнее, чем зрителей в кинотеатре». Хаяма всегда считал это высказывание очень точным.

Пропускать процесс и сразу смотреть конец в ужастике — это, пожалуй, слишком. Правильно было бы, зная результат, все равно испытывать страх. К сожалению, Хаяма совсем не чувствовал ужаса. Скорее, настоящий призрак был рядом с ним, и бояться вымышленного фильма было бы просто странно.

— Кандзаки... Кажется, ты превращался в скелета?

— Ага, да — кстати, я позаимствовал образ из нескольких книжек с картинками в шкафу.

— Ага. Могу я сейчас посмотреть?

Не знаю, получится ли разглядеть. Кандзаки, похоже, не возражал, и, следуя его желанию, действительно изменил свой облик.

— ...Честно говоря, ты гораздо страшнее, чем те призраки из фильма.

Это был настоящий визуальный шок, который не сравнится с экранными образами. Сравнить Кандзаки с фильмом было совершенно несправедливо.

— Хм? У меня вдруг возник вопрос — как ты выглядишь на самом деле?

Неужели это красивое лицо тоже изменено? Хаяма подумал об этом, хотя и не хотел получить положительный ответ.

— Ах, не волнуйся, обычно я выгляжу как есть, — ответил Кандзаки, все еще оставаясь скелетом.

Скелет, в силу своей структуры, даже если не разглядывать детали, не терял своей сути. В каком-то смысле, это было удобно для их текущего режима общения.

Компьютер, из-за случайного перемотки, теперь показывал титры, и экран светился ярким белым светом. В этом холодном свете образ скелета становился еще более жутким.

Хаяма не мог определить, правду ли говорит Кандзаки, но без колебаний решил поверить ему.

— Может, тебя стоит взять с собой на съемки фильма, наверняка заработаешь кучу денег.

Конечно, это была шутка. Идея звучала неплохо, и, возможно, в будущем она могла бы пригодиться в каком-нибудь клубе? Хаяма потянулся в сторону Кандзаки, но, как и ожидалось, не нащупал ничего. Ему хотелось поскорее восстановить зрение.

— Сначала, наверное, напугаем до смерти оператора, но зато сэкономим на гриме, — продолжил шутить Кандзаки.

Разговаривая, Хаяма начал убирать кресло с кровати. До его привычного времени сна оставалось чуть больше сорока минут, а завтра было воскресенье, и не нужно было рано вставать. Ложиться спать сейчас казалось слишком рано.

— Сколько заряда на телефоне... — пробормотал Хаяма. Зная, что у него будет свободное время, он бы точно не оставил телефон на зарядке в гостиной.

— Принести тебе его?

— Нет, — отказался Хаяма. — Я говорил, что не хочу становиться ленивым.

Прежде чем Кандзаки успел что-то сказать, Хаяма добавил:

— И неважно, нравится тебе это или нет.

— О... — Кандзаки вдруг расстроился, что вызвало у Хаямы странное желание посмеяться.

Посчитав, что времени хватит на несколько раундов музыкальной игры, если заряд телефона позволит, Хаяма вернулся в спальню. Похоже, Кандзаки заметил, что он постоянно играет в одну и ту же игру, и спросил:

— Рин, тебе нравятся такие игры?

— Да, скорее, мне нравятся все ритмичные игры.

Он увлекся ими еще в старшей школе, особенно из-за того, что они занимали мало времени. Тогда учеба была в приоритете, и длительные игры были исключены, а короткие музыкальные игры стали идеальным выбором. А вот игры, где нужно было просто ждать, казались слишком скучными, и после нескольких попыток он потерял к ним интерес.

— Ага.

— Что, тебе тоже интересно? — спросил Хаяма, убедившись, что заряд телефона еще держится, и направился в спальню.

— Так почему ты идешь за мной? Я просто иду в гостиную.

Это было похоже на высшую степень преследования, когда нельзя даже ударить обидчика. Хотя, честно говоря, быть объектом такого внимания было приятно, но чувство утраты приватности все же присутствовало.

— В любом случае, пожалуйста, остановись.

— Не волнуйся, я порядочный человек... порядочный призрак.

— О? Почему-то я не уверен.

Если воспринимать Кандзаки как преследователя, то его слова о «порядочности» звучали довольно комично.

— Правда! — возразил Кандзаки.

<http://bllate.org/book/16196/1453401>